

Лашара Пивазян

*Моя история, или
о дружбе народов в СССР*

Ламара Пивазян

**Моя история, или О
дружбе народов в СССР**

«Автор»

2024

Пивазян Л.

Моя история, или О дружбе народов в СССР / Л. Пивазян —
«Автор», 2024

В последние десятилетия появилась традиция мемуарной прозы, в которой советская история и то, как разваливалась великая страна, показаны через судьбу отдельного человека, по-своему преодолевающего и переживающего трудности тех лет. Небольшая автобиографическая повесть Ламары Пивазян, живая и откровенная, - одна из таких частных историй. В ее основе лежат подлинные воспоминания автора с его личным взглядом на события того времени. Изложение событий часто переходит от воспоминаний к их осмыслению через личную болевую тему и судьбу. Многие в рассуждениях автора звучат актуально, напрашивается на параллели с сегодняшним днем. Повесть привлекает внимание еще и тем, что рассказчик становится в ней публикатором значительного документального материала (писем, фотографий, официальных документов), освещающих дружбонародовский аспект советской действительности, в которую автор был вовлечен по роду многолетней профессиональной деятельности.

© Пивазян Л., 2024

© Автор, 2024

Содержание

От автора	5
I	6
II	13
III	17
IV	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ламара Пивазян

Моя история, или О дружбе народов в СССР

От автора

Я долго сопротивлялась попыткам некоторых своих друзей и приятелей соблазнить меня на написание мемуаров. Мне всегда казалось, что в моей житейской биографии не было и нет ничего примечательного и занимательного. Так что никакой особой необходимости в том, чтобы предаваться воспоминаниям, я не находила.

Но судьба распорядилась по-своему...

В моей автобиографической повести совсем нет никакого сочинительства. И не потому, что сочинительство – это плохо, а скорее потому, что у меня нет вообще никакого сочинительского таланта, как и писательского, вообще. А главное, по моему убеждению, то, что сочинённая книга всегда заведомо слабее, чем та, что написана о пережитом и выстраданном самой, о прочувствованном, как говорится, на собственной шкуре. Скажу сразу: всё, о чем я пишу в этой повести, – это правда. Это то, свидетелем чего я была сама, это то, что происходило у меня на глазах, или я слышала от близких мне людей. Правда, по мне, всегда полезна и ценна, всегда спасительнее, если даже она не всегда привлекательна и не всем может понравиться. Слава богу, в наше время эту правду можно говорить прямо и открыто: вроде бы нет уже прежних запретов, ограничений на собственные мысли и высказывания. И ещё важный момент. В ходе изыскательской работы над различными документами в личных и государственных архивах и фондах, связанной со спецификой моей трудовой деятельности, во мне выработалось доверие к факту, к достоверности и подлинности, укрепились требовательность к правдивости и доказательности излагаемого материала, что стало важнейшим принципом в работе над моей повестью.

И в заключение хотелось сказать, что, погружаясь в воспоминания, я каждый раз удивлялась тому, как живо и свежо всплывают они в памяти, во всех подробностях, мелочах и деталях, в ярких красках, звуках и образах. Так, как если бы всё это пронеслось перед глазами совсем недавно, неделю или месяц назад. А ведь мне, автору, разменявшему девятый десяток, бравшемуся за освещение событий «давно минувших дней», особенно рассчитывать на ясную и чёткую память не приходится. Но видимо правы умудренные жизненным опытом люди, когда проницательно замечают, что «дорогу осилит идущий»...

I

«В России надо жить долго, тогда до всего доживёшь», – заметил Корней Чуковский по поводу присуждения ему к восьмидесятилетию Ленинской премии. По мне, человеку вообще нужно жить долго, чтобы успеть сделать многое. Вот мне лично понадобилось разменять девятый десяток, чтобы вспомнить, наконец, о прошлом и взяться за перо. Все дело в том, что в последние годы мне все чаще напоминали о себе и не давали покоя два холщовых мешка, наскоро собранные в дорогу вместе с другими вещами и увезённые с собой на новое место жительства в те самые «лихие девяностые», когда в стране происходило настоящее переселение народов.

Распад Советского Союза стал величайшей катастрофой и потрясением для миллионов граждан страны. Сотням тысяч людей в бывших союзных республиках пришлось в одночасье подниматься с мест постоянного проживания и искать нового пристанища. Слава Богу, это не было насильственным выселением, жестоким и бесчеловечным, с применением всевозможных репрессивных мер, которым в ранние советские годы время от времени подвергались многие национальные меньшинства. Хотя, в страшное лихолетье девяностых случалось всякое... Переезды с насиженных мест теперь назывались «вынужденным переселением» – так окрестил народ эту страшную людскую трагедию. В нашей стране всегда очень быстро находили четкое и выразительное название всем этим политическим, социальным и прочим потрясениям и передрягам.

А между тем, это «невинное», на первый взгляд, «вынужденное переселение» нередко сопровождалось разрушением людских жизней и судеб, несло с собой много горя и страданий. Нам оставалось благодарить за то, что наш отъезд, несмотря на все беды, которые сопровождают обычно переселение всей семьи, не был столь трагичен, так как мы уезжали не в неопределённом направлении и не «в места столь отдалённые», как это имело место в прошлом страны. Уезжали мы в Москву, в город, с которым и у меня, и у супруга была связана большая часть сознательной жизни и трудовой биографии. Хотя о нашем желании – уезжать или не уезжать из города Тбилиси, где мы родились и выросли, и где прошла большая часть нашей, в общем-то, счастливой жизни, – нас никто не спрашивал.

Итак, наскоро собираясь в дорогу (в Москву вылетали последние самолеты), как бывает при таких обстоятельствах, в багаж укладывалось всё самое необходимое. О большой библиотеке и личном архиве, накопившемся за годы моей работы в Центре дружбы народов АН Грузии, и речи не шло. Но бросать на произвол судьбы вещи, которые находились в этих холщовых мешках, мне показалось в тот момент не только кощунством, но и отказом от элементарного человеческого долга и морали. Ну, во-первых, там, в этих мешках, были собраны документы, фотографии и разные другие материалы, сохранившие хоть какую-то память о прошлом нашей семьи, о жизни наших предков, их родословной в исторически обозримом отрезке времени. Значительную часть архива составляет документальный материал, содержащий сведения о моей почти двадцатилетней трудовой и творческой биографии, связанной с темой дружбы народов в СССР, повествующий о моих упорных попытках вписаться и поучаствовать в общественно-культурной жизни тогда ещё многонациональной Грузии, не будучи представителем коренного населения республики.

И, наконец, третью часть моего архива составляли письма, фотографии и книги с дарственными надписями, принадлежавшими выдающимся русским и советским поэтам, писателям, деятелям науки, литературы и культуры, хранившие память о наших встречах и сотрудничестве на ниве взаимосближения и взаимодействия национальных культур. Речь идет о блестящих представителях интеллектуальной элиты советской эпохи, о том недолгом периоде в духовной жизни страны, который вошел в историю под названием «оттепели». Представите-

лям этого необыкновенного времени посвящены радио- и телепередачи современников, снято множество фильмов. Они не нуждаются в дополнительной популяризации. И тем не менее, сохранившиеся в моей памяти и в тех материалах, которые удалось увезти, может, не столь масштабные события их жизни и творчества, но даже те отдельные эпизоды и подробности, незначительные, на первый взгляд, штрихи и детали, на самом деле весьма существенные и содержательные, не подлежат забвению по простой справедливости. Эти материалы могут быть интересны ещё многим, кому дорога память об ушедшей советской эпохе, её литературной и культурной жизни, тем, кто знает цену и значение мемориальных вещей и воспоминаниям живых свидетелей тех лет.

В последние годы граждане нашей страны всё чаще вспоминают советское время и с сожалением говорят о распаде бывшего Советского Союза. Совсем недавно на телевидении, в «Вестях», ведущий, переговариваясь дистанционно с гостем программы и, заметив за его спиной на стене окрашенную в красный цвет карту СССР, с грустью произнёс: «Я вижу у вас карта Советского Союза. Да, и мы тоже любим и очень скучаем». Эти участившиеся взоры в сторону ушедшей в прошлое советской страны и тоска по ней стали называться в наши дни модным словом «ностальгия».

На самом деле это явление нормальное и закономерное. После развала Союза прошло уже какое-то время и то, как жилось простым людям все эти постсоветские годы, даёт им возможность сравнения с тем, что оставили они в советской стране и что получили взамен. Но то, какое ожесточенное противостояние демонстрируют сторонники всех этих «за» и «против», какие резко противоположные суждения и оценки высказываются о советском прошлом, говорит о том, что сегодня и одни, и другие всё ещё далеки от объективной и близкой к истине оценки прошлого. Бесчисленные споры, все эти исторические, философские и политические выкладки, нескончаемые противопоставления точек зрения вокруг феномена советской эпохи, на мой взгляд, не закончатся никогда, так как ведутся как-то абсурдно: говорят вроде об одном и том же, а на самом деле о совсем разных вещах.

Никому не приходит в голову разграничивать предмет спора: то ли говорить о советской государственной формации, о её высшей партийной и правительственной власти, о том, кто и как руководил страной и каким образом реализовывал и осуществлял на самом деле основополагающие идеологические принципы и постулаты советского социалистического строя, то ли речь идет о жизни и отношениях простых советских людей, строивших эту страну, возводивших её материальную и духовную мощь. В такой ситуации, если и можно хоть как-то приблизиться к объективной оценке советской действительности, то только через истории жизней отдельных людей, через личный опыт и конкретные судьбы, вершившиеся в это время.

И чем больше таких историй – тем ближе к истине, тем яснее правда о советской реальности. Из множества индивидуальных судеб о том, как жили, работали, с чем сталкивались, какие проблемы преодолевали люди, вырисовывается подлинная картина жизни Страны Советов.

Что касается моих воспоминаний, то они проливают свет больше на одну из сторон жизни советской системы – её интернационализм и дружбу народов, являющихся одним из основополагающих принципов коммунистической идеологии советского государства. Эта дружба народов в советской стране чаще всего и обсуждается сегодня в нашем обществе. И здесь срабатывает тот же принцип – истина о дружбе народов в СССР раскрывается всё чаще в конкретных судьбах отдельных людей. Каждый индивидуальный опыт проливает дополнительный свет на всё никак неосмысленный феномен советской дружбы народов, подводит к истинному положению вещей в те годы.

С тем, что в годы советской власти в СССР сформировалась новая историческая общность – многонациональный советский народ, никто не собирается спорить. Но то, как реализовывался этот интернационализм, как выглядела эта пресловутая дружба народов на самом

деле, и что с ней происходило в разные периоды истории страны, всё чаще требует дальнейшего серьёзного осмысления.

Я часто использую словосочетание «наша страна», подразумевая под этим не одну современную страну – Россию, Грузию, Армению или любую другую. В моем сердце до сих пор советская страна остается моей родиной, уже несуществующей. Она объединяла всё и стала теперь местом, которого больше нет, которое уже не пишется в паспорте как место рождения, но при этом существует в столь ярких воспоминаниях – моих и моих соотечественников, где бы они сейчас ни жили.

Итак, при переезде в Москву в статусе «вынужденных переселенцев» вследствие распада Союза и при обустройстве на новом месте мне навязчиво лезли в голову блоковские строки: «И вечный бой, покой нам только снится!». Почему «снова»? А потому что это переселение для моей семьи, я имею в виду ближайших предков в их исторически обозримом прошлом, стало третьим по счету «исходом», если пользоваться библейской терминологией. Как будто самой судьбой были предначертаны постоянные переезды моих предков на новые места жительства, когда приходилось всё начинать с нуля, когда нужно было просто вставать и идти дальше.

О родословной далеких предков мне известно всё ещё очень мало. Когда и при каких обстоятельствах мой прадед оказался в небольшом городке Ново-Баязет, в гористом районе северо-восточной Армении, что недалеко от озера Севан, никто в семье внятно рассказать не мог, или, точнее не любил это делать. После революции 1917 года, в советское время, о прошлом, если оно было не пролетарским или бедняцко-крестьянским, в семьях предпочитали не вспоминать. Более того, все бумаги, свидетельствующие о происхождении, все документы и фотографии тщательно уничтожались во избежание серьёзных неприятностей, а то и политических преследований и репрессий. А составлять историю жизни и биографию предков, ссылаясь на одни семейные предания или смутные воспоминания, без каких-либо документальных свидетельств, мне представляется неправильным, поскольку материалы для такого дела получаются неубедительные и исторически недостоверные.

Другое дело писать о прошлом моего деда, Хачатура Пивазяна, старшего сына малоизвестного прадеда. О нём я успела услышать всё, что меня интересовало, как от него самого, так и от бабушки и здравствующей ещё при мне близкой родни. Многие я узнала и от жителей того же городка Ново-Баязет.

Семья дедушки Хачатура в годы, предшествующие советской власти в стране, жила более чем благополучно. Она владела множеством голов крупного и мелкого рогатого скота и сумела наладить производство разной молочной продукции, особенно овечьего сыра. Это было то самое производство, которое в будущем легло в основу сыродельного завода, успешно работавшего здесь в советские годы.

Подросшие сыновья, их было семеро, составляли солидный трудовой коллектив, и дела семьи всегда шли в гору. О моем дедушке Хачатуре в Ново-Баязете говорили как о крепком, зажиточном хозяйственнике, богатом и состоятельном человеке.

Однако благоденствию семьи не суждено было быть долгим. Революция 1917 года принесла с собой жителям городка Ново-Баязет, как и всей стране, неожиданные потрясения – установление новой, Советской власти и последующую за ней коллективизацию.

Мне запомнился старый, забавный армянский фильм (к сожалению, никак не вспомню название). Всё происходило в маленьком горном поселении, очень напоминающем Ново-Баязет. Раннее утро. Деловой люд готовится к трудовому дню, друг за другом открываются лавочки и небольшие мастерские, липнущие к стенам невысоких домов, растянутых по обе стороны вдоль центральной улицы. Вдруг откуда-то издалека раздаётся барабанный бой, а вслед за ним и пронзительные призывы трубачей. А вот появляются и сами трубачи и барабанщики, а за ними – отряд молодых красных пролетариев. Они бодро, твёрдым шагом проходят по цен-

тру улицы, а идущий впереди глашатай громко оповещает жителей об установлении советской власти и о новых правилах жизни, согласно которым происходит добровольная сдача скота и всякого другого излишнего имущества. Речь шла о будущем раскулачивании и коллективизации.

В дальнейшем, в последующей истории нашей страны, как известно, ещё не раз будет происходить «добровольное» изымание материального имущества у жителей «во имя будущего благоденствия», но вот народ почему-то всё никак ничего так и не получал.

У моего деда отобрали всё, что было нажито совместным трудом большой семьи, у него было десять подростков к тому времени детей. Дом был конфискован, национализирован и отдан под государственные нужды, позже в нём разместилась школа. Но самым страшным в круговороте тех драматических событий была не потеря материального состояния, а разрушение связей между родными и близкими людьми, а часто и вовсе распад и гибель большой и крепкой семьи. Так, раскулаченное вчистую, лишившееся скота, молодое поколение семьи было вынуждено спасаться от репрессий и ссылки и разъехаться из отцовского дома по всему миру. Судьбы их сложились очень по-разному, нередко и с трагическими последствиями.

Самый младший сын, Артём Пивазян, в будущем мой отец, с молодой женой уехал в соседнюю с Арменией к тому времени уже советскую Грузию и обосновался там надолго. Здесь, в столице Грузии, в Тбилиси, в январе 1935 года родилась я, точнее сказать, здесь я «имела неосторожность» родиться не на своей исторической родине, Армении, а на чужой земле, хотя об этом меня тогда, понятно, никто и не спрашивал.

Много лет спустя, будучи человеком зрелого возраста, я возвращалась домой из очередной командировки в Москву по делам своего института. В аэропорту меня ждало любопытное знакомство. Это было время, когда задержка рейсов была обычным и очень частым явлением. Мой рейс задержали надолго, и я стала наведываться в справочную службу, пытаюсь поменять рейс. Через какое-то время по громкоговорителю меня попросили подойти к справочному окну. Когда я вернулась и устроилась на своём месте, настроившись на долгое ожидание, ко мне медленно стала подходить высокая, здоровая женщина, вся в мехах чернобурки: «Простите, пожалуйста, я тут услышала вашу фамилию, вы что, имеете отношение к тем Пивазянам из Ново-Баязета?»

Я сказала, что я младшая дочь их младшего сына, Артёма Пивазяна.

Устроившись рядом со мной, моя собеседница начала свой долгий рассказ с того, что её бабушка тоже родом из Ново-Баязета, и очень много рассказывала ей о семье Пивазян, которая в досоветские годы жила по соседству. Пивазяны были первыми богачами в Ново-Баязете, и когда, с установлением Советской власти, их стали преследовать, а затем и раскулачили, то никто из бедняков городка не радовался их беде, как это обычно бывало при расправе с богачами, никто не злорадствовал. Напротив, с некоторой горечью вспоминали и сожалели, что никто из односельчан не решился заступиться, хотя всем было понятно, что сопротивление «красным пролетариям» было не по силам никому. А ведь эта семья в своё время кормила и поддерживала многих односельчан, не способных прокормиться самостоятельно. Пивазяны были людьми добрыми и чуткими к чужой беде и горю.

«Вы знаете, – продолжала моя собеседница, – рассказывали очень интересный и душещипательный эпизод из истории раскулачивания этой семьи. Когда появился вооружённый Красный отряд исполнителей указа о раскулачивании вашей семьи, и когда они стали выводить из скотного двора коров и овец, то две огромной величины сторожевые собаки, – моя бабушка даже помнила их имена – Аслан и Каплан, – злющие-презлющие, способные разорвать любого, кто посмеет посягнуть на хозяйское добро, были посажены хозяевами на цепь во избежание трагедии. Псы подняли страшный лай и вырывались из цепей, а когда поняли, что бессильны спасти скот, одна из собак рухнула наземь замертво с разрывом сердца. Эту печальную, душевраздирающую историю в тех краях помнили долго».

А ещё моя собеседница рассказывала, что её предки относились к числу тех из соседей семейства Пивазян, которые пользовались их помощью. Когда к концу осени огромные стада молочного скота возвращались с горных пастбищ, и начиналась заготовка сыра и масла, то за воротами дома, вдоль каменной стены двора, выстраивалась очередь соседей-бедняков с бидонами и всевозможными вёдрами, куда хозяева накладывали им творога – сами хозяева творог в еду не употребляли.

Масло изготавливали в больших деревянных бочках удлинённой формы, с суженными концами. По форме такие бочки напоминали дирижабли. В центре самой широкой части такой самодельной маслобойки было вырезано небольшое отверстие, которое после того, как через него вливалось нужное количество молока, закрывалось деревянной пробкой, обмотанной белоснежной тканью. Бочонок с двух концов был подвешен к потолку помещения, где производилась продукция. Два человека с силой отталкивали бочонок от себя к другому, а тот – в обратную сторону. Так, в результате довольно долгого и изнурительного взбивания, молоко сворачивалось в виде кусочков сливочного масла, которые периодически извлекались из отверстия маслобойки. Эта доморощенная маслобойка, в общем-то, и легла в основу будущего промышленного производства масла, только в более совершенном варианте.

Бабушка, следившая за работой слуг, в какой-то момент подходила к ним, останавливала резким движением шумные толчки бочонка и говорила: «Ну, хватит бить, не будете же сливать людям одну пустую, синюшную сыворотку, так никакого масла они не смогут получить».

Дело в том, что в оставшейся сыворотке, которую разливали соседям, ещё оставались плавающие кусочки жира, из которых при дальнейшем взбивании можно было получить ещё сколько-нибудь масла.

У этой приятно удивившей меня встречи в аэропорту с незнакомкой, предки которой оказались земляками моей родни, есть любопытное продолжение. Как-то я была в очередной раз командирована в Москву с визитом к очень важной персоне, в определённые дни принимающей посетителей в своём доме на улице Серафимовича, 2–4, в знаменитом и легендарном «Доме на Набережной». В советские годы в этом доме жили первые люди государства, советские и партийные лидеры, а также выдающиеся деятели науки, литературы и культуры. Я не раз приезжала в этот дом по служебным делам, но тогда я ещё ничего не знала о демонической репутации этого дома и его тёмном прошлом, о котором слагались легенды, писались книги, да и сегодня всё ещё ходят леденящие душу жуткие слухи.

Закончив служебный визит, я выходила из одного из подъездов дома, как вдруг навстречу мне направилась та самая моя знакомая по аэропорту, вся такая же важная и импозантная. «Вы что делаете в этом доме?», – спросила она, не скрывая удивления. «А вы что тут делаете?» – поспешила я со встречным вопросом. «А я здесь живу», – сказала она.

Я покидала дом с мыслью, которая и впоследствии продолжала преследовать меня: а ведь и вправду, «кто был никем, тот стал всем» благодаря революции и советской власти. А ещё я думала о том, что может быть в этих конкретных судьбах – моей, внучки богатых кулаков, и батрацкой внучки, и вообще, в историях жизни и биографиях отдельных людей и следует искать ответ на злополучный вопрос кому жилось «весело, вольготно» в советской стране и советском времени, и сегодня всё ещё не дающий покоя мыслящим людям России. Может это и есть один из тех личных, индивидуальных жизненных опытов, который у каждого свой и который в конечном счете мотивирует и определяет осмысление, отношение и оценку советского прошлого.

Я не думаю, что наш известный историк и политолог господин Сванидзе был бы так озлоблен и ожесточён в своих высказываниях о сталинском режиме и советском прошлом, если бы не жуткая семейная трагедия гибели близких родственников, ставших жертвами террора и репрессий тех страшных лет. И это закономерно, это в порядке вещей, это нормальная, естественная реакция и логичное поведение любого человека на его месте.

Возвращаясь мысленно вновь и вновь к истории жизни и судьбы моего деда и его семьи, разграбленной и разрушенной, невольно вспоминаешь о тысячах, а может миллионах таких же жертв коварных и преступных идей большевиков, проводивших в ранние советские годы в стране совершенно непонятную для сельского труженика аграрную политику – раскулачивание и коллективизацию, которые на самом деле оказались простым разбоем и ограблением, с применением жестокого насилия, вплоть до уничтожения. Вспомните исторические трагедии, вызванные раскулачиванием и расказачиванием, проводившемся во время внедрения советской власти на Дону, на Кубани, в Крыму, в Сибири и ряде других регионов России. В горах далёкой Армении, в небольшом городке Ново-Баязет, происходило всё то же самое – разрушение крупных хозяйств, разорение крепких и благополучных земледельцев, а вместе с этим и разрушение устоявшихся бытовых, хозяйственных и культурных традиций целого социального сословия, наскоро окрещённого большевиками, спешившими создать образ врага, «кулаками-кровопийцами», эксплуататорами и мироедами. Ставились в вину «имущественные излишества», материальный достаток, процветание хозяйств. Так это же, как известно, не даётся просто так, эти успехи – результат многолетнего упорного труда, творческих и физических усилий, и грамотного ведения хозяйства, благодаря которым добивались не только собственного благополучия, но вместе с тем способствовали решению государственных продовольственных задач.

А может, господам большевикам не понравилось «жестокое» использование наёмного труда, который объявлялся преступлением, совершаемым кулаками-эксплуататорами?

А что, в нашей стране, как, впрочем, и во всём индустриальном мире, все эти крупные промышленные стройки, все эти угольные и другие добывающие шахты и рудники, крупные сельскохозяйственные плантации, где с утра до вечера трудятся на других наши рабочие и крестьяне, не являются тем же использованием наемного труда, работники которого получают жалкую долю с тех гигантских прибылей, которые делит между собой небольшая группа лиц, возглавляющая эти предприятия?

Загляните в проектные мастерские крупных строительных корпораций: тысячи архитекторов, представителей элитной профессии, с утра до вечера без нормирования трудового времени, согнувшись над проектами, батрачат, трудятся на других, получая мизерную оплату труда по сравнению с миллионными и даже миллиардными доходами хозяев строительства, так называемых «заказчиков».

Сегодня, спустя столетие, освещая те или иные этапы истории нашей страны, наши славные историки, философы, политологи и правоведы всё ещё не дали объективную оценку той страшной странице нашей истории, всё ещё никак не квалифицировали трагические события тех лет, не назвали вещи своими именами, не навели порядка в нравственных критериях и оценках, в подходе к освещению того тёмного пятна, которое лежит на совести деятелей прошлого нашей страны. Наивно думать, что перевёрнута страница истории, и всё забудется...

В последние годы, слава Богу, наши историки и политики всё чаще стали вспоминать «о подвигах, о славе» несправедливо забытых жертв мировых войн, революций, террора, репрессий и других исторических фактов проявления несправедливости. Стали ставить памятники и мемориалы скорби, отмечать важные события в их судьбах, больше писать о них, вспоминая об их заслугах перед народом и отечеством.

И это справедливо, это праведно, это святое! Мы обязаны помнить, что эти люди погибли, защищая свою страну, свой дом, свою семью. Но ведь те же так называемые «кулаки», вступая в противоборство с советской властью, защищали свой дом, свои нажитые долгим трудом хозяйства. Почему же по тем несчастным страдальцам никак не прозвонит колокол? Так может, сотню лет спустя, наше общество вспомнит, наконец, о жертвах того самого раскулачивания и расказачивания, осознает вину страны, выразит покаяние или хотя бы понимание

и сочувствие пережитой этими людьми трагедии. Новому поколению небесполезно знать полную правду о том, что происходило с нами в прошлом.

Вы знаете, в одном из интервью с глубокоуважаемым мною актёром Олегом Басилашвили, признаваясь в своей склонности к философскому созерцанию миропорядка, он задавался вопросом: «Вот если раздавить букашку, то это не привлечёт никакого внимания, а если кошку или собаку, то поднимется большой шум? А что, разве букашка не то же самое создание природы, такое же живое существо? Так почему одно можно, а другое – нет?» – спрашивает наш выдающийся актёр, а за ним спросит и любой мыслящий человек.

Нет, господа хорошие! Пока человек и человеческая жизнь, любая, простая, сама по себе, без всяких каких-либо дополнительных особенностей, достоинств и недостатков, не будет одинаково ценна и защищена в государстве, говорить о каком-либо оздоровлении нравственного климата в обществе или каком-либо его духовном просветлении и благополучии не приходится.

II

В столице Грузии Тбилиси, куда нас занесло волею судьбы, мои родители, отец Артём и мать Елена Пивазяны, обосновались в Сололаки. Так назывался старинный район, примыкавший к центру города, откуда он тянулся вверх по небольшому склону к горным хребтам, окаймляющим город.

Сололаки привлекал внимание тихими, тенистыми улочками с красивыми, уютными особняками, выстроенными в большинстве своём иностранными архитекторами по заказу богатых деловых людей самых разных национальностей, заселявших в прошлые времена эти живописные места. Кто-то позже назовёт Сололаки тбилисским Арбатом.

Здесь, в этих давно покинутых прежними хозяевами особняках, с сохранившимися на порогах домов и окончательно ещё не стёртыми надписями на латыни SALVE, здесь, в воздухе, уже слабо, но всё ещё витал дух старого Тифлиса, как его называли во времена Российской империи. Тогда Тифлис был центром культурной жизни всего Закавказья, городом, где мирно уживались самые разные этнические общности людей, переплетались самые разные вероисповедания, культурные и бытовые традиции. Всё это создавало совершенно неповторимый колорит, так пленивший и будоражащий воображение людей творчества, так притягивающий к себе исторически поэтов, писателей, художников, музыкантов и путешественников, вдохновляя их на создание бессмертных художественных творений.

Тот очаровательный образ старого Тифлиса постепенно тускнел и сходил с исторической сцены, сохраняясь в памяти разве только всё ещё здравствующих долгожителей города.

В ранние советские годы заметную часть населения Сололаки составляла многонациональная столичная интеллигенция. Это были в основном продолжатели известных династий врачей, инженеров, архитекторов, управляющих аптеками, ювелиров, служащих разных специальностей, словом, творческая и культурная часть грузинского общества. Жило там и много простонародья, переехавшего в столицу из провинций в послереволюционные годы по разным личным мотивам и семейным обстоятельствам. Тут создавалась совершенно неповторимая интернациональная культура, вобравшая в себя своеобразие духовной жизни разных народов, населявших город. Люди моего поколения всё ещё помнят замечательные грузинские песни тех лет, которые так и назывались «Тбилисские городские» («Тбилисури-калакури»).

В городе тогда ещё не возводились, как это произойдёт уже в очень недалёком будущем, элитные, как их называли бы сегодня, кварталы – компактные места проживания видных и состоятельных людей города, представленных преимущественно людьми грузинской национальности. Расселялись тогда, ещё в дореволюционном городе, в многоквартирных домах или больших дворах, объединяющих целый ряд жилых помещений самого разного типа.

Дом наш стоял на Вознесенской улице, которая в советские годы была переименована в улицу Давиташвили, в честь никому и ничем неизвестного грузинского политического деятеля. А старая, скромная церквушка св. Вознесения, что завершала собой небольшой подъём улицы, и упиралась в один из холмов, окаймляющих город, была упразднена и передана под какое-то складское помещение.

Наш дом был угловой, большой, двухэтажный, с замыкающим его с тыльной стороны таким же большим двором. На втором этаже размещались 2-х и 3-комнатные квартиры, довольно комфортные для тех лет, а первый этаж был разделён на множество тесных, однокомнатных квартир. Оба этажа были опоясаны длинными балконами, разделёнными между жителями.

Дом наш был необыкновенно пёстрым по социальному и этническому составу, как я стала понимать это со временем. А поначалу мы с сестрой просто общались, а потом и подружились с соседскими девочками, подходившими нам по возрасту. Это были, в первую очередь,

две Изольды. Первая, постарше, жила на втором этаже, в просторной угловой трёхкомнатной квартире. Отец её, Валико Мгеладзе, в 40–50-е годы был директором Тбилисского театра оперы и балета им. Палиашвили. Сама Изольда была студенткой Тбилисской консерватории по классу фортепиано.

Вторая Изольда, Джахвеладзе, которую мы попросту называли Изо, была моей сверстницей. Их семья переехала в город из Кахетии (есть такая винодельческая область в Грузии) – брату предложили работу в городе, и он забрал с собой мать и младшую сестру. Мать Изо, тётя Цуца, переехав в город, никак не могла отвыкнуть от своих сельских занятий и привычек. Она продолжала держать кур и индеек, для содержания которых отгородила во дворе целый угол. Рано утром с громким окриком типа «цкон, цкон, цкон» она созывала птиц на кормление, отсыпая им кукурузу из небольшого ведёрка. Как-то под Новый год тётя Цуца уговорила маму купить на рынке живую индейку, ибо вкусной может быть только домашняя индейка, откормленная грецкими орехами. У мамы ничего не получалось с кормлением птицы, и тётя Цуца, приходя на помощь, зажав индейку между коленями, чтобы та не выбралась, руками раздвигала клюв индейки и вталкивала туда грецкий орех под весёлый смех дворовой детворы. Тётя Цуца учила маму готовить грузинские блюда, которые нам очень нравились, а мама общалась её к армянской и русской кухням. Тёте Цуце особенно нравился мамин борщ. Дело в том, что девичьи годы мама провела на Юге России, в Екатеринодаре (сегодня это город в Краснодарском крае) и хорошо готовила блюда русской кухни.

Сдружилась я и с другой девочкой моих лет, Додо Цагарешвили, которую называли «дочерью учительницы», хотя у неё педагогами работали и мать, и отец. Это была спокойная, степенная пара, вежливая и дружелюбная с соседями. А у их дочери, Додо, девочки прекрасно воспитанной и интеллигентной, мы все учились, как правильно вести себя, как держаться со сверстниками и со взрослыми, а также многим другим полезным вещам.

Жила в нашем доме ещё семья Саткунас, то ли латыши, то ли литовцы. Отца семьи я не помню, а вот мать-немка Гертруда Габихт и её дочь, Люля, поддерживали с нами дружеские отношения. Тётя Труда, как мы звали люлину маму, держала маленький галантерейный магазинчик на Головинском проспекте. Я застала этот проспект в его старом виде. В советские годы его переименовали в проспект имени Шота Руставели и снесли старые, времён Российской империи, помещения, в том числе и торговый ряд с галантерейным магазинчиком. Но до этого мне удалось побывать в нём пару раз. Это был очень уютный, со вкусом обставленный, совсем в духе европейских лавок, магазинов. А сама Труда, маленькая изящная немка, всегда с красиво уложенными в причёску белокурыми волосами, вместе с похожей на маму дочерью, такой же худенькой и стройной, чем-то напоминали героинь известного и очень трогательного французского фильма «Шербурские зонтики».

Там же, на Головинском проспекте, в длинном одноэтажном универмаге, который впоследствии также был снесён, в отделе пластинок работала ещё одна наша соседка – Соня Погосова, очень милая и красивая армянка, такая высокая, стройная, с длинной толстой косой, достающей до колен. Отец Сони, дядя Георгий, работал портным на дому. Мама пару раз заказывала у него демисезонные пальто для меня и моей сестры.

Но дядя Георгий оказывал маме услуги не только в обшивании дочерей, но и в деле более серьёзном, о котором мама никогда не рассказывала, и о котором мы узнали очень поздно, с уходом в прошлое старой, советской системы. Дело в том, что в те злополучные годы, когда в Ново-Баязете, в семье Пивазян происходило раскулачивание, мама, тогда ещё совсем молодая, младшая невестка в семье (ей было 18 лет), успела укрыться у своего отца Христофора Тер-Геворкова, бывшего настоятелем местной церкви. И, что любопытно, в этой страшной ситуации, она сообразила прихватить с собой свои сбережения. Это был небольшой тёмный холщовый мешочек, в котором она хранила подаренные ей в дни рождения, на Рождество и другие церковные праздники разные драгоценности и золотые монеты. Это были те самые, так

называемые, «николаевские» червонцы, которые любил ей дарить свёкор, а иногда и старшие братья мужа. К счастью, переехав в Тбилиси, родители поняли, что с монетами следует быть крайне осторожными, так как их хранение и использование считалось в советские годы преступлением, грозило преследованием людьми в кожаных куртках, а также арестом и расправой. Даже в самые трудные в финансовом отношении для семьи времена родители не решались использовать свои сбережения, пока случай не свёл с дядей Георгием Погосовым, соседом, которому мама доверяла, а потому и решилась обратиться за помощью, за что была благодарна всю жизнь.

В смежной с Погосовыми квартире на первом этаже жила семья греков, дядя Костя и тётя Нина, с двумя дочерьми, Бэллой и Майей. С младшей, Майей, мы были одноклассницами и проучились вместе все 11 лет.

Мне во возрасту и по характеру больше всего подходила Изольда-младшая или Изо, а Изольда-старшая была одних лет с моей сестрой Лигией – каждая из них были соответственно на 2–3 года старше нас. Поэтому, когда в перерывах между занятиями музыкой Изольду отпускали во двор поиграть с подружками, она общалась с Лигией. Играли они в камешки. Устраивались на одной из лестничных площадок или на ступеньках лестниц, выходивших во двор, и, в окружении любопытных «болельщиков» проходило состязание. Камешки привозили с черноморского побережья. Это были отшлифованные волнами камни самых разных форм и цветов. Их, в количестве 7 или 8 штук (по ходу игры их количество увеличивалось) собирали в соединенные друг с другом ладони и резким взмахом подбрасывали вверх. Нужно было ко времени их падения создать тыльными сторонами обеих ладоней углубление, чтобы все камешки оказались в этой воронке. Падение камня мимо воронки, считалось поражением. Чаще выигрывала Изольда, ловко манипулируя своими длинными и цепкими музыкальными пальцами.

В ещё одной трёхкомнатной квартире второго этажа жили дядя Коля Шалапин с женой, тётей Лёлей. Детей у них не было. Жили они спокойной, размеренной жизнью. В середине дня, в одно и то же время, на чёрной «Волге» Шалапин приезжал домой на обед, а возвращался с работы вечером, также всегда в одно и то же время. Соседи поговаривали, что дядя Коля возил какого-то очень большого начальника, а ещё ходили слухи, что «Шалапин» – это его прозвище, а не настоящая фамилия. С соседями чета общалась мало. То ли потому, что они совсем не говорили по-грузински, то ли в связи с малообщительностью и замкнутым характером. Соседи заходили к ним редко, а те, которым пришлось по какому-то случаю побывать в их квартире, рассказывали о необыкновенной чистоте и порядке, царивших в доме, а главное, – о целом ряде шкафов, расставленных вдоль стен и набитых старинными книгами. Мы так и не узнали, откуда эта семейная пара приехала в Грузию, и в силу каких обстоятельств.

Как-то, будучи ученицей то ли пятого, то ли шестого класса, я, взявшись готовить задание по литературе, вдруг спохватилась, что забыла взять в библиотеке нужный том Пушкина. Моя мама, слышавшая от соседей о большой библиотеке Шалапиных, решила обратиться к ним за помощью. Тётя Лёля, сбита с толку смелой просьбой мамы, немного помялась и, наконец, согласилась, комментируя свою уступчивость фразой: «Ламарочка – девочка ответственная и аккуратная, и, я надеюсь, вернёт книгу вовремя в целости и сохранности».

В назначенный день я уже сама возвращала книгу в аккуратной обёртке к нескрываемому удовольствию тёти Лёли. Так я стала постоянной читательницей этой уникальной библиотеки. Расположившись ко мне, хозяева позволяли брать на время любую книгу. Тогда я ещё не знала, что мне было позволено пользоваться произведениями классиков русской литературы в совершенно бесценных, часто прижизненных изданиях. А та первая книга, по которой я готовилась к уроку, была, как я поняла это позже, Венгеровским изданием собрания сочинений А. С. Пушкина.

В соседней с Шалапиными двухкомнатной квартире жила семья Джибути: отец с матерью и сыном Алеко. Отец семейства был очень важным на вид, неприветливым господином со

строгим выражением лица, а жена, тётя Кето, постоянно звала домой Алеко и призывала его не приставать к соседским девочкам. Алеко любил посмешить нас увлекательными историями о своём отдыхе на море, немного хвастаясь этим, так как отдыхать на Черноморском побережье частным образом в советские годы могли позволить себе не все.

III

В нашем дворе было много деревьев, больших и очень старых. Стояла и многолетняя липа, пышная, толстостволая. Когда она отцветала, то на месте белых цветочков появлялись мелкие зеленоватые орешки, они гроздьями висели на тоненьких стебелёчках, как вишня или черешня. Нам, девочкам, приходилось подсакивать повыше, чтобы дотянуться до ветки, протянуть её к себе пониже и сорвать эти гроздья орехов, под тонкой скорлупой которых можно было найти малюсенькие светло-зелёные орешки. А ещё у этой липы один из корней, довольно мощный, вылез наружу и рос на поверхности земли, образуя своеобразную «лавочку». На этом естественном природном сидении, натёртом до блеска, девочки нашего двора любили, теснясь, посидеть и посудачить в свободное от занятий время.

А я часто приходила посидеть на этой лавочке тихими вечерами, когда все расходились по домам, а из окна Изольды, выходящего во двор, было слышно, как она занимается на рояле. Когда мы подросли, и Изольда уже была студенткой старших курсов консерватории, занималась она допоздна, готовясь к экзаменам и концертам.

И какое это было наслаждение – слушать «Лунную сонату» Бетховена! Я просто млела от очарования этих звуков. Впоследствии, много лет спустя, очень часто при звучании уже первых аккордов этой сонаты, в моём воображении появлялось ярко освещенное окно, тёмное звёздное южное небо и эта, подаренная нам самой природой, «лавочка» под липой.

Так я приобщалась с детства к фортепианной музыке. Очень скоро мама взяла меня на прослушивание в семилетку, которая находилась там же, в районе Сололаки, на улице Александра Чавчавадзе. Музыкальную школу я окончила успешно, а после неё поступила во II Тбилиское музыкальное училище – одно из лучших музыкальных учебных заведений города. Оно размещалось на проспекте Плеханова, в старинном особняке с лепниной и сохранившимися живописными картинами на потолках.

Помнится, что когда в Тбилиси приезжал на гастроли с концертами выдающийся пианист Генрих Нейгауз, он обязательно заглядывал к нам в училище, к одному из педагогов, с которым его связывала дружба, а тот, воспользовавшись таким удачным случаем, просил пианиста прослушать его учеников. Сегодня это называется провести мастер-класс. В одном из таких прослушиваний посчастливилось поучаствовать и мне: тогда, помнится, я исполнила какую-то часть фортепианного концерта «Блестящее каприччио» Ф. Мендельсона.

Под Новый год ритм жизни нашего двора оживлялся и ускорялся: было шумно, весело, а главное вкусно. Почти во всех семьях готовились новогодние угощения, а тётя Цуца раздавала всем привезённые из Кахетии чурчхелы с грецкими орехами и с фундуком, а взрослые, если заглядывали к ней поздравить с Новым годом, обязательно пробовали знаменитое грузинское сациви из индейки, кахетинское вино и разные другие национальные угощения. Мама, я помню, пекла очень много армянской гаты. Она её готовила обычно ко дням рождения моих подруг – они очень любили это армянское лакомство.

Помню также, что ещё до Нового года, 25 декабря, в семье Саткунас праздновали Рождество, и Люля приглашала девочек на ёлку. Вначале мы не понимали, почему в их семье Новый год отмечали 25 декабря, а не первого января, как все, но тётя Труда нам разъяснила, что христиане бывают разные, что они – христиане-католики по вероисповеданию и отмечают церковные праздники вместе с Католической церковью. Ёлка в доме у Люли стояла совершенно необыкновенной красоты, а игрушки на ней были совсем непохожи на те, обычные, которыми мы все украшали свои ёлки – довольно однообразные, они под Новый год продавались в советских магазинах везде одни и те же.

Из истории жизни нашего соседского сообщества запомнился ещё один очень выразительный эпизод. Когда я окончила школу, и нужно было готовиться к выпускному балу, передо

мной и мамой встала проблема моего вечернего платья. Мама и тут, как всегда, пришла на помощь. Она поделилась нашими трудностями с соседкой, тётёй Анико, женой директора Оперного театра, которая сообразила, что платье можно взять напрокат в Оперном театре из костюмерного фонда. Задумав этот ход, мама и тётя Анико дождались возвращения вечером с работы батано (господина) Валико и решили дождаться, когда он предположительно раздобреет после сытного ужина, И тогда они, как две заговорщицы, подошли к нему с подготовленной речью, и тётя Анико вкрадчиво всё нахваливала соседку Ламарочку, подчёркивала, что та лучшая выпускница, оканчивает школу с золотой медалью, в общем, девочка ответственная и серьёзная, а значит заслуживает участия и помощи в решении проблемы с платьем.

Так или иначе, наконец, в назначенный день и час я явилась в костюмерную театра, где мне очень любезно и участливо подбирали платье. Остановились на совершенно роскошном бирюзовом бальном наряде из шёлка и тафты, с огромным кружевным воротником и такими же пышными кружевными манжетами на полудлинных рукавах. Остаётся только сожалеть, что не сохранилась фотография, на которой я, голубоглазая светловолосая девушка, запечатлена в роли грузинской княжны.

Рассказывать о нашем доме в Сололаки можно долго и подробно. Главное, что подвигло меня восстанавливать в памяти ранние годы жизни в Тбилиси – это живое ощущение того времени, образа жизни того сообщества соседей, в котором мы оказались волею судеб, того сообщества людей, которому не было никакого дела до социальных, материальных, этнических, религиозных и других различий. Здесь царила обстановка добрососедства, доброжелательности, открытости, а главное – взаимопомощи и взаимовыручки в трудных жизненных ситуациях. Люди жили не только своими проблемами, но и совершенно органично, естественно и искренне участвовали в ежедневной жизни живущих рядом соседей, помогали справляться с трудностями, сообща переживали и радости, и беды. Временами казалось, что здесь сохранилось ещё что-то от старого, доброго дореволюционного Тифлиса, который был образцом интернационализма, и, как назвали бы это сегодня, «мультикультурализма».

А между тем, жители города, может, и не слышали вовсе о таком понятии, как «дружба народов», и не нуждались в громких лозунгах и время от времени спускаемых «сверху» директивах, пытающихся учить людей, как им жить вместе. Людям нечего было делить и незачем было враждовать, они и без всего этого жили в дружбе, мире и согласии.

И я думаю, что и сегодня всё ещё ностальгируют наши граждане по тем временам и отношениям, по тем дворам и дворикам, в одном из которых я выросла и о котором постаралась рассказать, по тем неписанным законам общения, по тем правилам поведения и поступков в большом интернациональном сообществе друзей и соседей, ничего не имеющим общего с официальной стороной жизни государства.

Возможно, благодаря именно этим отношениям моё детство, которое пришлось на войны и политические катаклизмы, не было таким уж тяжёлым, и я смогла избежать многих моральных травм и переживаний.

Прошло совсем немного времени в историческом масштабе, и вся эта идиллия человеческих отношений, свидетелем которых мне посчастливилось быть в детстве, обернулась кошмаром межэтнических, политических, социальных и разных других противостояний и битв.

IV

Итак, на новом месте, в столице Грузии Тбилиси, куда переселились мои родители, спасаясь от ужасов раскулачивания, жизнь семьи строилась заново. Всё начиналось теперь с нуля. В результате раскулачивания отнято было всё. Мы были обобраны до нитки, но нам никто ничего, конечно, не компенсировал. Поднимались на ноги самостоятельно, не рассчитывая на какую-либо помощь от государства, так не по-человечески обошедшегося с нашей семьёй. О возмещении какого-либо ущерба вообще-то никто и не думал: быть бы живу, как принято говорить в народе в подобных ситуациях.

Между тем, житейские трудности и лишения (а отказываться приходилось от многого) казались тогда не столь драматичными на фоне морального и психологического кошмара, в котором приходилось находиться постоянно, неся ярмо кулацкого происхождения. Это было состояние, когда постоянно чувствуешь себя под подозрением, когда находишься в тисках не оставляющего тебя дикого страха и вызывающего дрожь ожидания, что вот-вот придут и за вами. Всё это было трудно переносить, и, конечно, это отягощало и без того нелёгкую жизнь.

Время в Грузии в ранние советские годы было тревожное, как и по всей стране здесь шли аресты: людей сажали, ссылали, уничтожали. Время от времени до нас доходили слухи о выселении какими-то страшными эшелонами представителей малых народов: ингушей, чеченцев, крымских татар и других.

Однажды, когда мы слышали о выселении из города армян, и среди потерпевших оказалась знакомая семья из тех же краёв, что и родители, то мой бедный отец, с детской наивностью предполагающий, что сможет спасти семью от этих чудовищ в кожаных куртках, откуда-то притащил огромный камень и положил его под окно нашей комнаты, расположенной на невысоком втором этаже дома. Папа скрыл его под кустом растущей под окном сирени, чтобы, в случае ночного звонка в дверь, он смог вывести нас через окно на противоположную от подъезда улицу и таким образом спасти нас.

С нас в те годы никто не снимал клейма «врагов народа» и «кулацких отпрысков», которое могло усугубляться ещё и положением нацменьшинств, людей неместных, «понаехавших», как говорят сегодня.

В таких условиях, по логике вещей, перед семьёй должна была быть поставлена вроде бы первоочередная задача – преодоление окружающей нас враждебной среды и создание собственного мира, максимально, насколько это возможно, замкнутого в себе, а также необходимости тщательно и с осторожностью выбирать друзей и близких. Но очень скоро мы стали понимать, что на самом деле замыкаться в узком кругу своих родных и тревожно оберегать семейную автономию, нам особо не придётся. Среди соседей по дому, по двору и по улице не чувствовалось отчуждения или настороженности, связанных с нашим социальным или национальным происхождением.

На моей детской памяти не запечатлелось ни одного случая каких-либо болезненных или оскорбительных высказываний в адрес моей семьи или меня лично, указывающих на нас как на «инородцев» или представителей эксплуататорского класса. В той реальности, в которой мы оказались, предполагаемая дистанцированность не могла быть осуществлена вследствие целого ряда причин, которые постепенно раскрывались нам в ходе адаптации к условиям новой страны проживания и среди другого, грузинского народа. Здесь нам не надо было напрягаться, чтобы скрывать своё непролетарское происхождение. Классовая вражда здесь не была так обострена и так агрессивна, как в столичных городах и других «красных» регионах советской страны, где в порыве классовой ярости или банального конфликта тебя могли окрестить «кулацкой сволочью», «кровопийцами», «мироедами» и т. д. Вспомните исторический фильм

о Павлике Морозове и другие ему подобные, не сходившие с экранов советских кинотеатров в те годы.

А то, что классовое противостояние и вражда в Грузии в ранние советские годы не сильно проявлялись, то это было связано с самой советской властью, которой в этой республике, по большому счёту, и не было в том виде, в каком она функционировала в России и других национальных образованиях. Наверно, по известной причине, в Грузии допускалось некоторое послабление диктата советской системы власти, он здесь не был таким всеобъемлющим и всеохватывающим, проникающим во все сферы общественной и личной жизни граждан, как в остальной стране Советов.

Здесь, в Грузии, безусловными ценностями оставались семья, родственные связи, гостеприимство и добрососедство. Политика, государственные и социальные нормы жизни и поведения не проникли в сознание широких масс и не становились жизненно важными ориентирами. Советская пролетарская идеология так и не овладела умами и сердцами людей. Молодёжь не очень любила ходить строем и петь духоподъемные пионерские и комсомольские песни, здесь ближе были свои, народные, грузинские напевы, которые затягивались сообща в многоголосье, так характерном по своей природе для национальной музыкальной культуры.

И ещё одно немаловажное обстоятельство. Приехали мы в Грузию и начали здесь обжигаться в начале суровых 30-х годов. Тогда здесь свирепствовал политический террор и репрессии, шла отчаянная борьба большевиков с грузинским меньшевизмом, которая коснулась очень многих людей, среди которых были и видные общественные и политические деятели, учёные, а то и вовсе невинные жертвы. Эти трагедии накладывали отпечаток на психологию и поведение жителей грузинской столицы. Людям, подавленным пережитым горем, не было никакого дела ни до этнических, национальных и социальных дразг и конфликтов, ни до проявления каких-либо антипатий или враждебных выпадов против нацменьшинств, всяких там «кулацких отпрысков» или других «врагов народа». Напротив, чувствовалось скрытое сочувствие и сопереживание, понимание того, что тот же ужас и трагедия завтра могут прийти и в твой дом, что дамоклов меч террора висит над каждой семьёй и может опуститься на любую голову в любое время.

Все эти обстоятельства в совокупности, как я думаю, уберегли нас от серьёзных душевных травм и моральных потрясений. И что больше всего утешало – так это особенность межличностных отношений, в которых отражалась местная специфика, так называемый менталитет коренного населения, своеобразие национального характера жителей города, легко идущих на контакт, на сближение, открытых и общительных, очень быстро переходящих на дружескую ногу. Это были люди без комплексов, говорливые, словоохотливые, весёлые, любящие пошутить и побалагурить. А главное, эти люди входили в спокойные отношения с представителями разных социальных слоёв и национальностей. Всё то страшное, что делило жителей города на «наших» и «не наших», на «своих» и «чужих», что вторгалось в жизнь и отравляло массовое сознание, всё то, что разрушало нормальные человеческие отношения, – все эти болезненные точки, вредоносные и разрушительные идеи и настроения начали обозначаться открыто позже, уже после смерти вождя, хотя никто не исключал, что зрели они в бедовых головах грузинских политиков ещё раньше, не принимая публичного характера и не демонстрируя пока ещё нарастающие угрозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.